

КТО ЗАЩИТИТ УЧИТЕЛЯ?

Грустные заметки об управленческом произволе

«Учителями славится Россия, учителя приносят славу ей». Эти прекрасные строки пока ещё справедливы. При том, что народное образование России находится в кризисе, учитель держит планку профессионализма, держит из последних сил. Честь ему и слава, и низкий поклон... Но давайте задумаемся: каково сегодня работается ему, нашему славному учителю? И возьмём не его финансовую ситуацию, которую мы, увы, изменить не в силах, а ту, что нам по плечу... Вот несколько ситуаций.

Бесправие

Первая неделя сентября... Ребята во дворе оживлённо обсуждают... Что бы вы думали? Результаты контрольной работы! Последовательно, день за днём в школах Москвы и Подмосковья в каждом классе проводятся «вводные» («установочные», «предварительные» и т.д.) контрольные работы по русскому языку и математике, биологии и химии, физике и иностранному языку...

Разговариваю с учителями, спрашиваю: «Зачем в первые дни после летних каникул эти проверки?» В ответ слышу: «Так это нам спускают сверху такое требование, отказаться невозможно!»

Для чего эти поспешные проверки? Новый аспект гуманизации школы? Новый способ мотивации? Или управления качеством образования? По-моему, да и по мнению многих учителей, — это абсолютная педагогическая и психологическая безграмотность тех, кто «спускает» в школу подобные требования.

Школьники, обсуждающие итоги этой первой контрольной, смеются: «Весь класс получил двойки и колы. Мы же всё-всё забыли за лето».

Учитель в зависимости от жизненного опыта либо рыдает, либо с трудом сдерживает справедливый гнев. Умные завучи и директора, как могут, успокаивают учителей и родителей. Спрашивается: кому нужны эти заведомо низкие результаты? Какова истинная цель «вводных» диктантов и контрольных? Не целесообразнее ли дать учителю возможность по его усмотрению организовать повторение основных тем, изученных в предшествующем году, и только после этого контролировать? И результаты станут объективнее, и всем — от директора школы до учеников и их родителей — спокойнее. Это так просто, надо только думать и... уважать учителя.

Конец ноября... Учителя начальных классов одного из районов Подмосковья получают от завучей срочное («Выполнить за неделю!») задание: составить календарно-тематическое планирование по всем предметам на весь учебный год с первого сентября. Дан и некий образец структуры плана: он ближе всего к вузовским программам, включает такие занятия, как семинары, практикумы, а также зачёты, экзамены. «Хорошо предметникам, у них один или два предмета, — говорят учителя начальных классов, — а у нас...» В самом деле, учитель начальных классов учит детей языку, математике, природоведению, чтению, а нередко изобразительному искусству, музыке и труду... Завучи должны в недельный срок сдать — представить годовые планы в районо, главному специалисту. Они жёстко требуют от учителей планы, не хотят, чтобы их школы «склоняли» на совещаниях. И учителя находят выход: распределяют план по предметам — один «спланирует» математику, другой — природоведение, потом обменяются, перепишут, сдадут эти

Галина Суворова,
руководитель
Центра «Сельская
школа» РАО,
доктор
педагогических наук,
профессор

«рабочие» планы, похожие друг на друга, как однояйцовые близнецы.

Какую пользу для района, для школы и для себя сможет извлечь из собранных в сорока школах планов главный специалист района? Для чего, с какой целью даётся такое задание?

Планы, конечно же, нужны, кто с этим спорит? Но индивидуальные, продуманные самим учителем и написанные им для себя, с учётом своего класса, своих возможностей, средств обучения и т.д., а не для отчётной «галочки».

Бессильное возмущение непродуманным заданием и сроками его выполнения, нервы, головные боли, ночи без сна — вот «эффективность» подобных планов, а кста-ти, и подобного «руководства» школами. Страдают от таких «директив» и ученики, ибо учителя не имеют возможности подготовиться и провести уроки на хорошем уровне. *Завуч и директор, находясь между молотом и наковальней, слышат справедливые упрёки от учителей, но не могут защитить их.* И только специалист района, который, конечно, считает себя в этой ситуации правым, доволен: начальство видит его служебное рвение...

Школы, учителя непрерывно подвергаются плановым и неплановым проверкам. Абсурдность такого положения в том, что собственно проверка не проводится, то есть проверяющие могут появиться в школе раз-другой, посетить урок или занятие кружка, а могут передать анкету из 20–25 вопросов — самых разнообразных. Тогда это называется комплексная проверка: учителя, завучи, руководители методических объединений пишут справки, собирают папки. И что же? Опять учитель отвлекается от основного дела, от работы с детьми, сетует на бессмысленность подобной «проверки», тратит нервы и время, теряет уважение к проверяющим. Результаты подобных проверок дают что-либо руководству? Помогают принять грамотное управленческое решение? Вопросы эти — риторические.

На всех перекрёстках мы только и трубим о том, что выбор системы обуче-

ния, учебников, дидактических материалов — право учителя. Ему работать, он и выбирает себе в соответствии со своими предпочтениями ту или иную методику. Такова теория, декларируемая на всех уровнях. Практика же повсеместно говорит о другом. В условиях вариативности систем обучения, учебно-методических комплексов, учебных программ учитель оказывается полностью бесправным. Его обязывают работать по учебно-методическому комплексу, выбранному кем-то по совершенно неясным критериям, аргументам. Причём нередки случаи, когда на курсах в институтах повышения квалификации (институтах развития образования) опытные преподаватели, методисты не рекомендуют именно эти программы и учебники и приводят серьёзные доводы. В районах же их приобретают, насильно внедряют в школы. Зачем? Какова цель? Кто выигрывает от подобной практики?

А почему бы районным управлениям образования, методическим кабинетам не нарушать права учителя, а дать ему возможность самому выбирать учебные книги? Выиграют все, в том числе и управления образования. Правда, обнаружатся разнообразие, вариативность предпочтений. Но это прекрасно, учителя и школы работают по программам и учебникам, которые приняты ими самими. Но, видимо, «району» проще закупать одинаковые учебники, проще контролировать знания по одинаковым учебным книгам...

Таким же «добровольно»-принудительным стало для многих участие в широкомасштабном эксперименте по модернизации структуры и содержания образования. Руководители образования то пряником (бесплатные учебники, 20-процентная надбавка к зарплате!), а то и кнутом («Ваши учителя не способны работать по новым учебникам! Куда же вы смотрите?») заставили-таки около 2 тысяч школ и несколько десятков тысяч учителей включиться в туманный по целям эксперимент.

Цель эксперимента — достичь нового качества образования. В чём оно, это новое качество? Учителям математики, литературы, физики, химии и т.д. предстоит выбрать из предложенных учебников лучший. Организаторов эксперимента не смущает то обстоятельство, что предлагаемые учителям учебники, объявленные «носителями нового содержания», издавались не один год, часть их отвергнута учительством; что в принципе невозможно сравнить учебник, по которому ты работаешь, с тем, который в лучшем случае можешь только прочитать. Да и учительское ли это дело — давать экспертную оценку учебнику? Наверное, сложнее всех начальной школе. Издательствами (десятком!) предложены к экспериментальной проверке пять учебно-методических комплексов:

- «Гармония» (рук. Н.Б. Истомина);
- Школа-2000–2100 (рук. Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева);
- Школа XXI века (рук. Н.Ф. Виноградова);
- УМК развивающего обучения Л.В. Занкова и Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова.

Выбор этих учебно-методических комплексов в подавляющем большинстве сделан не учителем, а «районом».

Понятием «компетенция» сегодня пытаются заменить привычные и педагогически внятные понятия: знания, умения, навыки. По «Словарю русского языка» компетенция — это сфера полномочий. В этом значении чаще всего и употребляется это слово. А вот «компетентность» — это основательное владение знаниями в какой-то области, что вряд ли применимо к нашим школярам (1964. С. 315.). К чему же замена? Это же видимость, «кажимость» новизны, на что мы так падки. Видимость, увы, продолжает быть важнее сути.

В беседах, ответах на анкеты лишь около 6% учителей подтверждают добровольность своего участия в этом эксперименте. Ответы остальных можно объединить фразой «по просьбе директора». И даже после первого, организационно проваленного года эксперимента вновь решение продолжить его и участвовать в нём принимал не учитель. Как и в прошлом году, бесплатные учебники поступили во многие школы с запозданием, а методики и вовсе к концу первой четверти. Многие учителя даже к июню (к концу первого года эксперимента!) не получили обещанной надбавки к зарплате и многим вместо обещанных 20% платили лишь 15%. Хотя отчёты по эксперименту учитель обязан был представлять в машинописном (компьютерном) виде на бумаге определённого сорта и формата. Купленной на — слово «деньги» даже употреблять неловко! — на свои гроши... И всё это несмотря на энергичные заверения первого заместителя министра образования Виктора Александровича Болотова о добровольном участии в эксперименте и возможности выйти из него в любое время по желанию учителя. Но... Виктор Александрович в Москве — далеко и высоко, а на местах — свои, похоже, законы...

В последние годы широко распространилась мода — вводить новые предметы. Не вмещаясь в школьный компонент, они потихоньку вытесняют предметы компонента федерального: русский язык и математику. Приезжаю в давно знакомую, очень хорошую школу: «А у нас теперь новый предмет — «валеология» (в других школах вместо неё — «права ребёнка», «половое воспитание», «геральдика» — и так до бесконечности). Спрашиваю: «Каково содержание этой «валеологии»? Какие программы и методики получили учителя?» Слышу в ответ: «Программ и пособий пока нет, но из района приезжали специалисты, всё рассказали». Не успокаиваюсь, задаю вопрос:

— Всё — это что? О чём на уроках говорите?

— О том, как правильно чистить зубы (понятно: видны уши корпораций зубных щёток — Г.С.), о вреде курения, о здоровом образе жизни, о наркотиках... (знакомый «набор» — Г.С.).

— А учителя согласны вести этот «предмет»?

— А кто нас об этом спрашивал? Ну, а потом этот предмет войдёт в нагрузку...

Вот так. Учителей и не подумали спросить. Не спрашивают их и тогда, когда первые уроки в первый день занятий отдают мэ-

ру, губернатору, главам администраций. Пиар пышным цветом расцветает и здесь. Не спрашивают учителей, когда по политическим соображениям вдруг требуют от школ провести урок мужества, памяти (о чём-либо), «урок мира»... Причём опять-таки срочно, словно спохватившись или услышав в беседе с руководством раздумчивое «А неплохо бы...». Срочно, в определённый день! И никак не иначе... В результате — суета, нервогрёпка, нарушение планов работы. В основе этого — всё то же: неуважение к учителям.

Выскажу крамольную мысль: все новации, все требования, связанные с учебным процессом, учитель выдержит. Самые опытные отложат в сторону на видное место на край стола навязанные учебники и будут обучать детей по добротным, знакомым, выбранным ими учебникам. Так называемые «новые предметы», введённые в расписание, обозначат в журналах и «пройдут» в предельно сжатом варианте, а сэкономленное таким образом время уроков вернут базовым дисциплинам. Да мало ли иных путей не навлекать на себя «праведный» гнев начальства! Менее опытные за счёт собственного и ребячьего времени организуют дополнительные занятия, часть учебного материала перенесут на самостоятельную домашнюю работу, на кружковые и факультативные занятия. Словом, учитель из любой ситуации найдёт выход.

Гораздо хуже, когда учителю, школе навязывают направления воспитательной работы. Любой разумный человек понимает, что результаты воспитания проявляются отнюдь не в ходе воспитательного мероприятия — они отдалены во времени. Воспитанию противопоказаны суета, частая смена ориентиров. Стабильность, последовательность, усложнение содержания, тренировки в деле — условия успеха. Однако и здесь, вопреки разуму, требованиям психологии, дёргают учителя, как марионетку, то за одну, то за другую «верёвочку» «воспитательных систем». Самый распространённый способ: «Напишите сценарий праздника

для вашего класса». (Это требование к аттестации учителя.) Ну что тут скажешь? Да разве дело учителя — писать сценарии? Этому пять лет учат в самых престижных вузах страны — во ВГИКе (Институте кинематографии), в Литературном институте им. Горького. И даже там после окончания сценарных факультетов не все становятся Арбузовыми, Габриловичами, Ибрагимбековыми. Грешна: в общении с учителями я советую взять любой из сотен (!) опубликованных в многочисленных сборниках сценариев, подставить вместо «1-я девочка», «2-й мальчик» имена своих учеников, чуть изменить начало и конец и представить это «творчество» как собственное. Внесённых изменений с учётом имён и мелкой «редактуры» — примерно 30%, так что авторство обеспечено. А что делать? Как говорится, каков вопрос — таков ответ. Не идти же во ВГИК или на Высшие курсы сценаристов, если предполагаешь остаться учителем! И никому из начальства, методистов, составителей всех этих аттестационных документов не придёт в голову — проанализировать требования, взглянуть на них своим просветлённым взором критически и решительно выкинуть то, что ни с какого боку не относится к компетенции учителей.

...В районе смотр «Наркотики — это смерть». И вот в школах, где, слава Богу, не было пока приёма «колёс», не то что «сидения на игле», начинается «масштабная» работа — создаются сценарии шоу, распределяются роли, ребята учатся изображать «кайф»... Затем школы съезжаются в район, на соревнование. Это ли не форма пропаганды? Вспомним, что в деревнях Тверской, Костромской и других областей конопля испокон веку разделяла огороды по меже, а мак повсеместно сеяли для плюшек, кренделей, булочек, просто для красоты. Да и теперь сеют, и крестьянский ребёнок, подросток и не знает, что это наркотик. Просветим его, господа? Пусть от традиционного самогона перейдёт к современной наркоте. В одном из районов Подмосквы присутствовала я на

«акции против табакокурения». Проводилась она «на уровне района» — не меньше! Но все учителя хорошо знают (а мы разве не знаем?), что участники действия — ученики — давным-давно покуривают, включая девочек. Так зачем притворяться и детям, и взрослым, зачем лицемерить? Результативность подобных «акций» не только близка к нулю, но и резко отрицательна. Разве декламация стихов о вреде табака, показ ваты, пожелтевшей от никотина, даст больше, чем информация о физиологических изменениях в организме, данная в учебниках природоведения и анатомии? Ученики развлекаются, «оттягиваются» на этих «акциях» против пьянства, курения, наркотиков. Ну не можем мы справиться с этим злом сегодня! Так не полезнее ли прочитать или инсценировать чуждую повесть Владимира Крупина «Живая вода»? Или кропотливо, вдумчиво поработать с семьёй? Или... Любое «или» лучше профанации!

... Телефонный звонок из глубинки, звонят знакомые учителя сельской школы. «Помогите, пожалуйста, не знаем, с чего и начинать. Школам района рекомендовано строить воспитательную работу по направлениям. В этом году — «Откуда есть пошла земля русская». В прошлом году было другое «направление» — физическая культура и спорт, мы уже многое сделали в этом направлении, а вот откуда пошла наша Земля — не знаем, литературы нет, пособий нет, — что делать?..»

В другом районе чутко прислушиваются к постановлениям правительства, к модным течениям. Там ориентировали школы на воспитание поликультурности, на формирование толерантности. И невдомёк ориентировщикам, что в этом отдалённом сельском районе в сёлах живёт в подавляющем большинстве русское население, которое веками выработало эту самую толерантность. В одном из сёл давным-давно обосновалась семья обрусевших армян, так там были рады: «поликультурное» пространство налицо! И ещё невдомёк ориентировщикам, что литературу по этой проблеме днём с огнём не сыщешь. Единственная доступная учителям книга — о поликультурном образовании Г.Д. Дмитриева, изданная редакцией «Народное образование» и созданная преимущественно на примерах жизни американских школ. Есть ещё интересная монография университетских психологов, где несколько страниц посвящены толерантному поведению в многонациональной среде. На где эти книги взять сельскому учителю? В библиотеках школьных и районных — их нет. Ломай голову, учитель, устраивай праздники с выступлениями, песнями, танцами на родном языке и национальным угощением к чаю!.. Помните показушные «Дни союзных республик» в Москве? А теперь измените масштаб, оцените возможности учителя и школы (особенно сельской) и представьте результат...

Активно создаём сегодня единое воспитательное пространство. Такие учёные, как Людмила Новикова, Наталья Селиванова и другие, сомневались в необходимости внедрения в практику без достаточных экспериментов этой новации. В условиях нестабильной экономики, разрушенной вертикали власти, слабый

инфраструктуры трудно верить в эффективное воспитательное воздействие школы на социум. А учителей в очередной раз заставляют писать «программы развития воспитательной деятельности». Нет идеологии, нет национальной идеи, нет чётких воспитательных целей, что представляет собой это «единое воспитательное пространство», каковы его составляющие? Это же огромная научная работа, к тому же во многом прогностическая. И ещё один вопрос встаёт в связи с этим: кто обладает реальной властью заставить школу делать то, что под силу институту РАО? Инспектор? Начальник управления? Министр?

Возникает и другая проблема. Создание единого воспитательного пространства, по наблюдениям, в тех областях, где проводится такая работа, приводит к однообразию в деятельности школ, к разрушению сложившихся, оправдавших себя форм воспитательной деятельности школ. Скажем, школ-комплексов в Белгородской и Курской областях. Стоит ли ломать педагогические коллективы «через колено»?

Завуч и учитель: кто кого?

... Прекрасная учительница говорит с горечью: «15 лет работаю в этой школе. Ни одной благодарности, ни одной грамоты, ни одного упоминания о моих учениках, хотя результаты контрольных и разных проверок отличные».

Завуч, похоже, не любит её за самостоятельность: «Она не заслужила, чтобы её отмечали», — и весь сказ.

... Учительница использовала для диктанта текст Л.И. Тикунной из журнала «Начальная школа». Людмила Ивановна — заслуженный учитель, автор учебника «Словесность», много лет работала в программно-методическом управлении Минпроса РСФСР, заподозрить её в занижении сложности диктантов невозможно. Но завуч требует от учительницы увеличить число слов в диктанте. Зачем? Что беспокоит завуча, чего она добивается? Объясняет это просто: «Пусть учительница даст диктант потруднее, тогда будет видно, что она плохо работает».

... Молодой учительнице Татьяне Х. дали сложный класс — дети слабые, с задержкой психического и физического развития. Татьяна выбрала наиболее эффективную для этого класса природосообразную технологию обучения чтению и письму А. Кушнера. И что же? Первым и главным противником эксперимента стала... завуч школы. В первом классе не рекомендуются домашние задания, но родители не хотят с этим соглашаться. Мамы и папы помнят: когда они учились, им задавали писать палочки, считать, читать пять-десять раз строчки букваря. Родители не знакомы с рекомендациями психологов и генетиков, искренне считают: чем больше читать одно и то же — тем лучше. И учительница, и автор технологии пытались разъяснить родителям необоснованность их требований. Тем более что результаты обучения ребят — хорошие: дети читают быстро, любят читать. Завуч знако-

ма, надо полагать, со «Справочником для учителя начальных классов», где в одном из приказов Минобразования РФ чётко сказано о домашних заданиях и оценивании достижений школьников. Но... Татьяне было прямо сказано: «Уходи, пока тебя не уволили». Отличная учительница в состоянии нервного срыва... уволилась.

Вот так: вопрос «кто кого» решается просто и однозначно. А в отчётах этой школы, я уверена, многократно звучат модные словечки: «гуманизация», «лично-ориентированная парадигма», «творческая самостоятельность педагога» и прочая лицемерная болтовня.

Беспредел

Слово это противное, из новояза. Но суть явления передаёт точно — безграничные, беспредельные нарушения прав, унижение человека.

Мы приехали в одну из школ Черноземья после комплексной проверки. Результат её ошеломил учительство района: одновременно в середине учебного года были уволены с работы директор и завуч школы. Проверяющие посещали уроки, смотрели классные журналы, планы, отчёты, бегло ознакомились с библиотекой. По всем урокам заключение было одинаковым — уроки плохие. Но аргументов никаких — просто плохие, а к тому же — никаких инноваций в школе нет, здание школы, материальная база никуда не годны, Сан-Пины нарушаются... Действительно, здание школы не типовое, приспособленное, стены классов выкрашены в убийственный тёмносиний цвет, классные доски из линолеума, писать на них трудно. Всё это так. Но разве комиссия не знает, что давным-давно школам не выделяют средств на ремонт и они терпеливо ждут? Реконструировать, модернизировать старое здание труднее, чем образование. Так же обстоит дело и с партами, и с классными досками. Но при этом почему проверяющие не заметили безукоризненную чистоту в классах и ко-

ридорах, не увидели подтянутых, аккуратных детей, не побывали на ухоженном пришкольном участке, на обихоженной территории школы, утопающей в цветах и зелёных насаждениях?.. Идти на уроки после такого разгрома коллектива очень трудно, учителя съёжившиеся, потухшие. Мы долго беседовали, выслушивали детали всей этой «комплексно-проверочной» атаки. И потом посетили уроки географии, русского языка, истории. Мало сказать, что это хорошие уроки, они — отличные. Есть много способов косвенной проверки обученности школьников, и мы ими воспользовались в полной мере. Результаты — вполне удовлетворительные. Ясноглазые дети охотно отвечали на вопросы, решали нестандартные задачи, читали стихи (сверх программы!), пели... Хорошая речь, чёткие формулировки, развёрнутые рассказы. После уроков, как водится, провели обсуждение за «круглым столом». Убедились, что коллектив читает педагогическую литературу, интересуется методическими новинками, опытом коллег в других областях России. Нормальный работоспособный коллектив, ничуть не хуже, а во многом и лучше других. За что же его так наказали? Невольно вспоминаю функционеров из принопамятного ЦК ВЛКСМ. Они выезжали на места в поисках «жареных» фактов и неважно, что были эти факты единичными, случайными, — важно было «выловить» что-нибудь и разнести потом по косточкам «объект проверки». Такова установка... Вспоминаю и другое. В середине 70 — начале 80-х годов во многих областях установилась прекрасная практика: члены любой комиссии начинали проверку школы с того, что сами давали уроки. Не вернуть ли её нам? В пору гуманизма, демократии, автономности школы?..

Наш учитель в массе своей — беспримерный труженик. Без всякого преувеличения — человек, бесконечно преданный делу, понимающий, что для многих детей школа остаётся последним приютом. Здесь ждут ученика, беспокоятся о нём, пожурят и похвалят, не оттолкнут равно-

душно. Из последних сил учителя стараются защитить детей от мерзостей окружающей жизни.

И сам он, учитель, из последних сил борется за школу, за себя, свою семью. Он получает зарплату ниже прожиточного минимума, в нитку вытягивается, чтобы не выглядеть нищим. Он едет на курсы повышения квалификации, участвует в конкурсах «Учитель года». Два года назад молодая учительница географии упала в голодный обморок на конкурсе и призналась, что собирали её в Москву вскладчину, всей школой. Отказывая себе в самом необходимом, учитель покупает методические пособия: на выделяемые нерегулярно 100 рублей. Не очень-то разбежишься с такими деньгами в книжные магазины — цены на методические пособия заоблачные — до трёхсот-четырёхсот рублей. *В этих условиях не то что безнравственно — преступно унижать учителя.* Давайте подумаем: что мы, управленцы разных уровней, и прежде всего директора, сделали для того, чтобы помочь ему? Какие методические идеи сделали его достоянием? Какими способами создаём ситуацию успеха для каждого учителя? Мы не устаём повторять, что работаем «в лично-ориентированном пространстве по отношению к ученику». А разве учитель не нуждается в таком же личном внимании, в индивидуальном подходе?

О широкомасштабном эксперименте мы уже говорили. Часть школ вышла из него, остальные — продолжают. Как живётся-работается учителям этих школ?

Моё общение со многими учителями убеждает: трудно им живётся, трудно работается. Даже тем, кто верит в эксперимент, увлечён им.

Елена Николаевна Давидюк — одна из трёхсот учителей начальных классов Московской области, участвующих в эксперименте. Вся её жизнь связана с посёлком «Заветы Ильича» Пушкинского района. Здесь 29 сентября 1964 года она родилась, здесь училась, здесь же и работает — в средней школе № 2. Подобное постоянство, как скажут социальные психологи, говорит о внутреннем спокойствии, самодостаточности, нравственных устоях. Но не каждый учитель может работать там, где вся его жизнь — от рождения — на виду, где любое слово, действие просеивается сквозь сито придирчивых глаз. Коллеги Елены Николаевны, в первую очередь директор школы В.П. Басова, считают её творческим учителем, не боящимся отходить от стандартов. Она постоянно опирается на передовой педагогический опыт, использует современные технологии обучения, разработала систему средств наглядности к урокам русского языка и математики (из характеристики Е.Н. Давидюк). Ей проще было бы работать по учебно-методическому комплексу «Гармония», авторы которого — её преподаватели в пединституте. Но она осваивает иные подходы, методические решения проекта «Начальная школа XXI века».

Елена Николаевна убедилась, что данные группового обследования не могут быть достоверными, особенно при получении низких результатов: ребёнок может растеряться, у него плохое

настроение, не выспался и т.д. Поэтому с каждым школьником проводит она индивидуальную беседу, определяя уровень речевого развития, логического мышления.

В процессе эксперимента Елена Николаевна пришла к парадоксальному выводу: свой опыт становится серьёзной помехой на пути к новому. «Трудно отказываться от годами наработанного и переходить к новому». В работе с новым для неё учебно-методическим комплектом то и дело возникают вопросы, непонимание — она ищет ответы, советуясь с коллегами, методистами, работниками кафедры начального образования ИПК и ПРНО Московской области. В одном из пособий прочла о том, что «избыточное число однотипных тренировочных задач приучает ученика формально подходить к их решению». Появились новые вопросы: сколько задач составят избыточное число? Не целесообразнее ли обучать детей решению задач в определённой последовательности, а не вперемешку? Что значит формальный подход к решению? И т.п.

Елене Николаевне нравится позиция авторов учебного комплекса: самое главное для учителя — безграничная вера в ребёнка: каждого можно научить, и путь к достижению положительного результата только один: от успеха к успеху. Она всем сердцем разделяет эту позицию и старается создавать ситуации успеха каждо-

му ребёнку. Многие в эксперименте не удовлетворяют учительницу, и она открыто высказывает свои суждения, иногда предъявляет требования руководителям школы.

Я знакомилась с работой Елены Николаевны и думала о том, что ей повезло: над ней не стоит ретивый завуч...

* * *

Эти разрозненные зарисовки из жизни, эти «отдельные» недостатки складываются в очень тревожную, грустную картину. Мне очень хотелось бы, чтобы на секции руководителей школ августовской конференции наряду с обсуждением сугубо управленческих проблем мы обсудили бы и такую: как живётся учителю в школе? И если плохо, то почему, что может сделать директор, чтобы защитить учителя от чиновников управления, а порой даже от... школьного завуча и самого себя... **Н**

**В.М. ШЕПЕЛЬ —
автор концепции,
составитель,
научный редактор.**

М. Народное образование. 2002. — 526 с.

**В подготовке пособия
участвовали специалисты Лиги
Профессиональных
Имиджмейкеров и
профессорско-
преподавательский состав
факультета по связи с
общественностью Института
индустрии моды г. Москвы.**

Книгу можно приобрести в редакции
«Народное образование»

По адресу: г. Москва,
ул. Люблинская, д. 157, корп. 2
тел.: (095) 345-52-00

